

КРОКОДИЛ

№ 34 • декабрь • 1982

ISSN 0130-2671

БЫВАЕТ, О ПРОГРЕССЕ ГОВОРЯТ,
ЗВУЧАТ ПРИЗЫВЫ И ИДУТ ДЕБАТЫ...

Я — за технику!

А НА ИНЫХ СТРОИТЕЛЬСТВАХ ТВОРЯТ
ПРИ ПОМОЩИ КУВАЛДЫ И ЛОПАТЫ.

С огромным вниманием весь мир встретил решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и седьмой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва.

Советские люди гордятся результатами своего труда, но они сознают, что впереди еще более напряженная программа по выполнению планов одиннадцатой пятилетки.

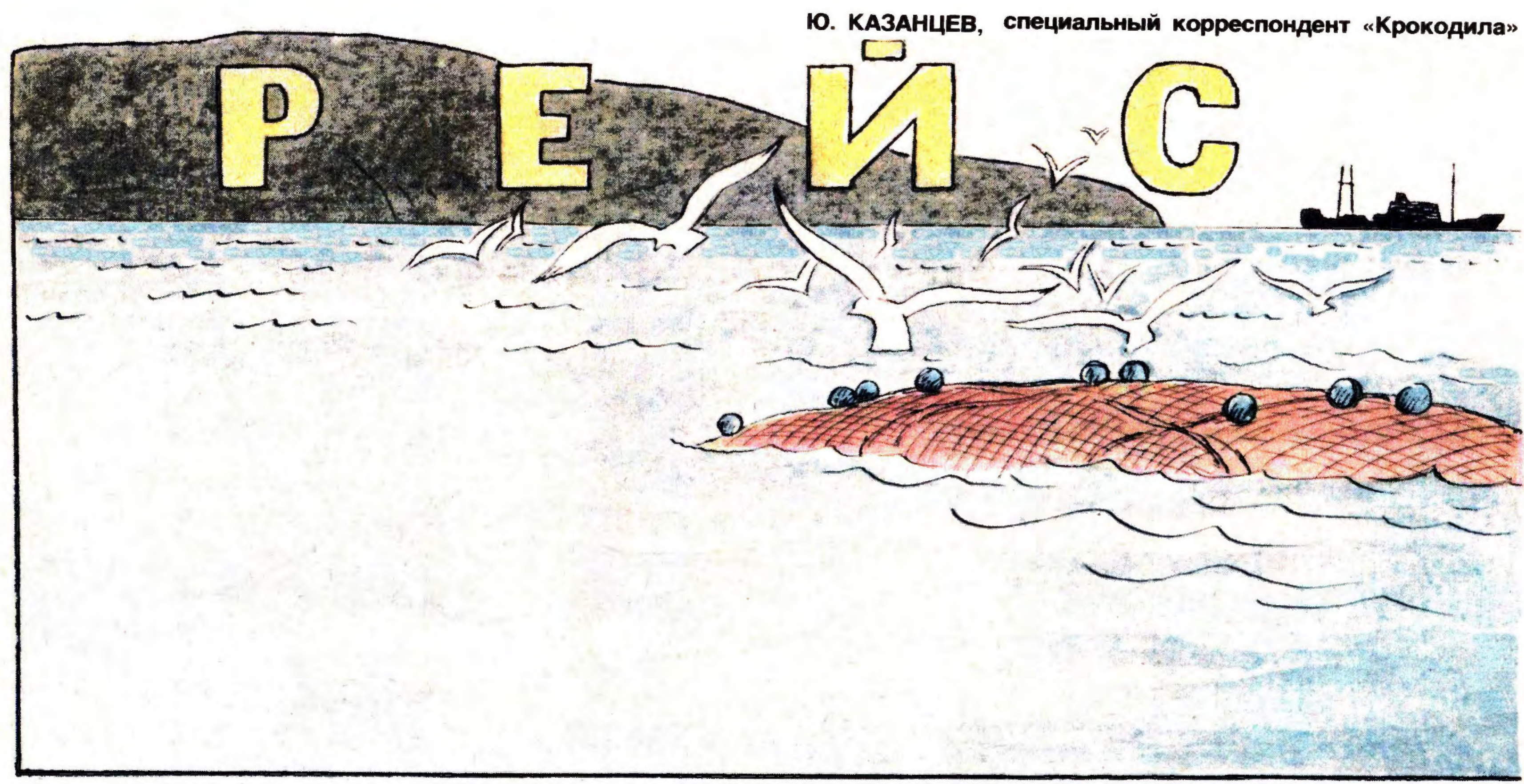
Поставить решительный заслон равнодушию, бюрократизму, пьянству, разгильдяйству, другим отрицательным явлениям, которые мешают нам жить и трудиться,— всенародная задача.

Сегодня мы публикуем несколько работ с выставки плакатов «Огнем сатиры», выпущенных издательством «Плакат».

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент «Крокодила»

Начало этого очерка можно было бы одеть в камень. В камень, конечно же, апатит. Здесь, на Кольском, есть даже город с таким названием. Тома написаны про очень полезное ископаемое апатит, но столько дает он пищи для размышлений, что и еще десяток страниц потребил бы без отвращения читатель.

И поместить можно было бы камень в оправу из живописаний Кандалакшского заповедника, что раскинул владения уже по обе стороны Полярного круга. И присовокупить для индустриализации картины описание Кольской атомной электростанции. А потом, коли все еще будет ощущаться недогруз очерка художественностью, можно добрать до полной художественности, обратившись за выручкой к морю. И море вывезет.

Наш «Ижевск», большой морозильный траулер, выводился на мурманский рейд буксиром. Первый помощник капитана, еще не восстановив связи с морем, ногами пружинил пока что на сухопутный манер, выдавая в себе вчерашнего пассажира автобусов. Помощник капитана и я через его плечо читали список команды. Помощник охватывал взглядом три столбца: стаж в море, специальность, классность. Я торопился врезать в память столбцы первый и последний: фамилия и национальность, чтобы доложить читателю, какой интернационал собрался в команде «Ижевска»: лезгин, болгарин, «чер», оказавшийся впоследствии не черкесом, а черемисом. Тут были эстонец и латыш, а в графе, где значился первый помощник капитана, через плечо которого я засматривал, было проставлено: «Руслан Джемалович Коколадзе».

С помощником было настолько все ясно, что графу национальности на него даже не заполняли.

Кольским заливом, зажатым скальными берегами, наш траулер выводит в море капитан-директор Валентин Андреевич Юрченков. В общем и целом от директора в облике этого мужчины куда больше черт, чем от капитана.

Но большую промашку допустил бы тот морской волк, который, имея желание хорошо заработать, пришел бы наниматься на траулер не к Юрченкову, а к капитану с чисто кинокапитанской наружностью: с булыжными скулами, кристаллической солью, отложившейся на ушах, и матом, от которого зашкаливают сейсмографы. Вполне могло бы так статься, что у просоленного внешне и лексически капитана заработал бы морской волк разве что на спицу для проковыривания дырочки в трубочном мундштуке, не больше. Потому что рыба — это дело живое, научно не совсем еще ясное, и многие капитаны оказываются в пролове. Тогда как уже восемь лет стоит вне проловов доцентской утонченной внешности капитан Юрченков. И береговой материалист сказал бы, что в основе этого лежат долгие годы учения капитана, хорошее воспитание в детстве с нетасканием за хвосты котов и нелизанием варенья из банки. Но очень решительные в высказываниях мореходы высоких широт говорят: вы другим вправляйте мозги про знания и пай-мальчика. Ибо совсем не так обстоит дело с Юрченковым. Но, привнося в суждения даже некоторую мистику, говорят мореходы:

— Ну, напыжившись, три года можно жить без проловов на знаниях. Ну, сделай академика капитаном,— может, даже четыре года он будет не за здорово живешь полоскать в море трал! Но восемь лет кряду — это как объяснить? Нет, определенно знает Юрченков СЛОВО и еще ему ФАРТ. Потому Юрченков над всяким морским организмом не академик, а бог!

Теперь оставлен за флагом обжитый судами залив, меняется качка, в машине прибавили ход, и по всем бы приметам через несколько часов хода можно пускать в дело трал: самописец поискового прибора обнадеживающе чертит линию.

— Пустой номер,— говорит капитан-директор. Но идет навстречу нетерпению команды, дает добро на траление.

Гудит лебедка, уходит в воду трал, три часа траления, подъем: две тонны трески. Затем работа повторяется снова — полторы тонны.

— При таких уловах нас и кошки в Мурманск не пустят,— говорит тралмейстер В. Данилов.— А вот сделаю я трал облегченный...

— Делай,— разрешил капитан-директор.— Сколько запросишь времени?

— Сей сутки!

И в эти сутки рыба пропала совсем. В панике был новатор-тралмейстер, и даже был уличен в мракобесии, то есть на старый поморский манер пытался дать взятку морской стихии: сунул в ячейку трала отборного размера треску.

Втуне старался тралмейстер: лишь пустую и нудную линию дна вычерчивал самописец. Безрыбье. Покуда не нащупал прибор такой косяк, что наиболее впечатлительные закричали:

— Так ведь этот косяк очертаниями точь-в-точь как рейсовая премия!

И, родительски улыбаясь, тралмейстер Данилов разметил палубную мизансцену: ты, сынок, матрос Бабашов, встанешь тут; ты, Колотилов, тут, а Вова Дондуков за траловую лебедку в ответе, трал держи мне — будто на кончиках пальцев!

Вова Дондуков, правя свое дело, на кончиках пальцев пускает в морское неведомое громадину перевооруженного трала.

И через четыре часа свободный от вахт народ гроздьями повис под кормовой рубкой: что придумал тралмейстер?

Тут пополз на палубу трал — набитый рыбой дирижабль. Из него треску, тонна за тонной, стали перепускать в недра «Ижевска» и, скатившись с корабельной галерки, вслед за рыбой, в недра траулера, на рыбофабрику, бросилась публика.

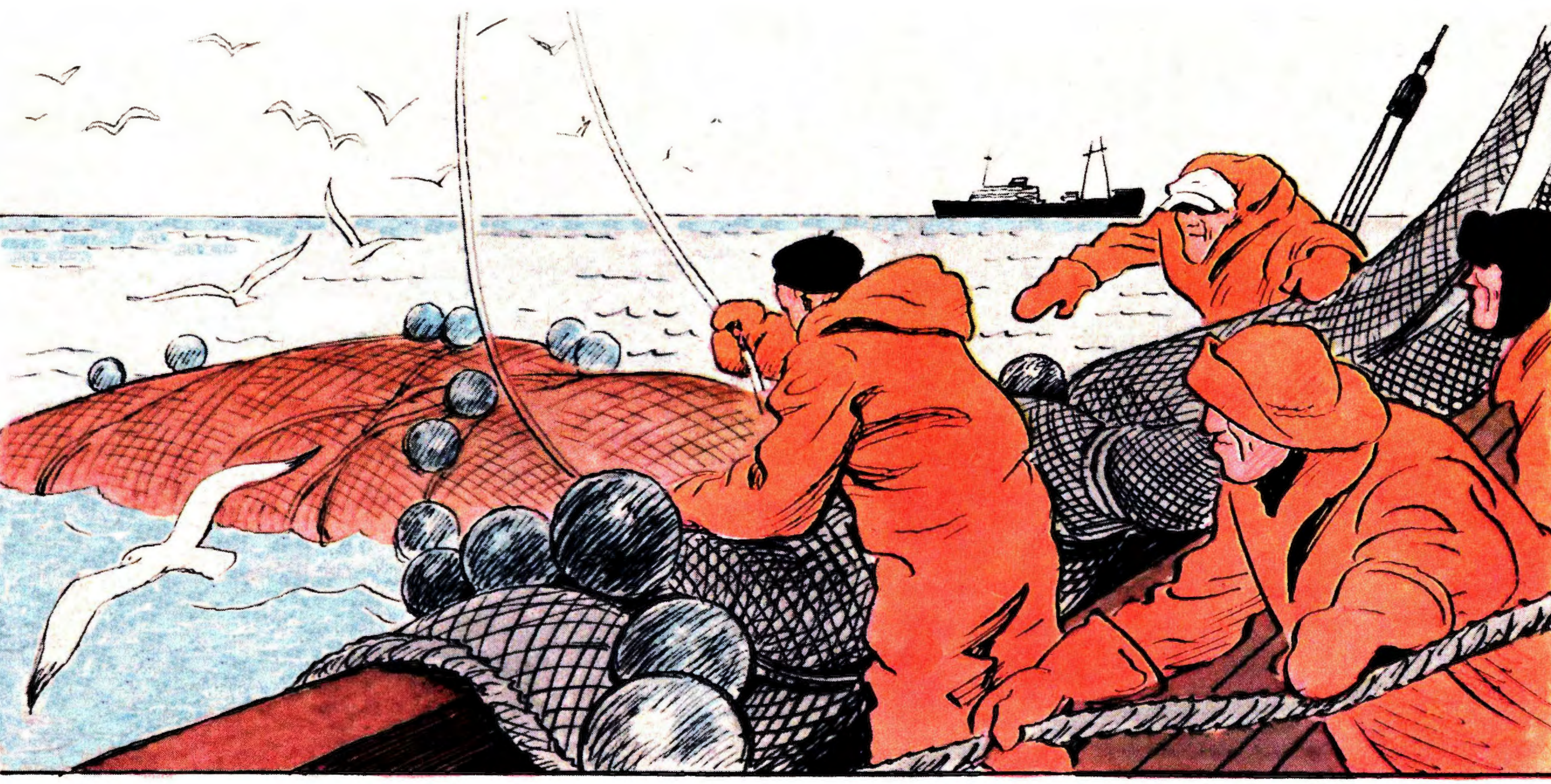
Здесь и развернулось то, что у кавалеристов называется рубкой, а у рыбаков — шкеркой. С той только разницей, что кавалерист при рубке старается отсечь все самое нужное в человеке, а рыбак при шкерке — все самое ненужное в рыбе.

Тем временем «Ижевск» осилил следующий цикл траления, зацепив трески столько, что лебедки с баритонов перешли при намотке стальных тросов на бас.

И писал Александр Сергеевич Пушкин в «Дубровском»: «Среди разбойников произошло движение». Да, конечно, вовсе труженики моря они, никак не разбойники, но очевидное и похожее движение произошло среди траулеров по соседству с «Ижевском»: братцы, вы только гляньте, как на «Ижевске» гребут!

Мигом и посыпались запросы по радиотелефону на «Ижевск»: алло, баловни судьбы! Как это вам удается? Кто на борту тралмейстер?

И пока тревожили эфир прочие траулеры, наивысшую расторопность проявил капитан БМРТ «Мурманск» Геннадий Минин. Мигом с «Мурманска» была спущена шлюпка, стрелой прилетела она под борт «Ижевска», и с высшими почестями для обмена опытом был увезен на пару часов тралмейстер Данилов.

Долго удавалось «Ижевску» висеть на хвосте тучного косяка. Капитан и штурманы судна ловили все движения косяка под водой и следовали за ним. Тем временем в цехах рыбофабрики шла круглосуточная разделка улова, и двадцать восемь наименований тресковой продукции все больше огружали «Ижевск».

Однако вскоре вступила в силу рыбацкая поговорка «Рыба — дело водяное», и на четвертые сутки косяк ушел в территориальные воды Норвегии. Снова пусто стало на глубине.

В таких случаях старые капитаны раскрывают свои талмудики с неровными строчками, а молодые, уповающие на память, лихорадочно вспоминают: в какие погоды где ловили удачливо? На какой глубине? В каком квадрате? В какую фазу стояния луны?

Неизвестно, по талмудику, по памяти ли указывает капитан Юрченков новый курс, но «Ижевск» делает в пустых водах разворот на 90° и на всех своих узлах уходит один — искать.

И капитан, не снимая лубяной своей робы, позволяет себе прикорнуть на нелепой козетке, вроде тех, что ставят в театральных фойе. У капитана укороченные, нервные биоритмы, так что вскоре прерывает дремание капитан, отдав команду:

— Спустить пристрелочный!

Удача выпадает траулеру: на борт взят полный пристрелочный трал. А за ним, такого же сверхтоннажа, берется еще один.

И пока этот второй трал вползает по слипу на палубу, снова полулежа-полусидя ловит капитан Юрченков четверть часа дремоты. Потому что, предполагает он, после второго спуска траулер «сойдет с рыбы» и тогда опять будет поиск, а во время поиска положено бодрствовать капитану. Ведь в поиске нередок и шторм, а капитан прежде всего держит ответ за девяносто с хвостиком душ команды; может лечь непроницаемый туман, навалиться обледенение — и вообще мало ли что. На любой величины листе не уписать эти неожиданные морские «мало ли что», и первым провидеть и преодолеть их назначен он, капитан.

Улов улову рознь. Гордецы с «Ижевска» желали ловить только удачливо.

Гордыня и привела «Ижевск» в места, где экипаж, в котором, напомним, помимо русских, значились лезгин, эстонец, черемис, болгарин, латыш, а также Р. Д. Коколадзе, ловил с прежней удачливостью, выполнив рейсовое задание по всем показателям и готовясь его перевыполнить.

Но тут с радиосовета капитанов пришел Юрченков и сказал: шабаш. Идет шторм, возможно, с обледенением, возможно, со льдами.

Довольно быстро и сбылось: Баренцево море, так сказать, сделало стойку на руках. Здесь бы написать, что в «команде все как один были раздосадованы штормом и сворачиванием лова. Да, полны были трюмы, но, обнаруживая скрытые резервы, команда горела желанием загрузить еще пару тралов.

Однако в разрезе правды не написать, что «все как один» были раздосадованы штормом. Был как раз один человек, крайне обрадованный прекращением лова. Нынешнее рыбацкое дело родило уйму новых профессий, и ликовал по поводу штормовой невозможности рыбацкого труда представитель одной из них — морской расплавной (есть же разъездной) учитель физики для заочников-рыбаков Сергей Платонович Москалев.

Изучив досконально корабельные лабиринты, вылавливал здесь своих десятиклассников Москалев, чем значительно рассвободил пространство в бане траулера вокруг тралмейстера Данилова и урезал слушательскую аудиторию рыбмастера Саши Акиньшина, исполнителя под гитару жестоких высокоширотных романсов.

И окучивая к центру стола свои никак не приспособленные к демонстрации в море, тем более в жестокий шторм, учебные пособия, учитель-передвижник начинает урок. В то время как волновые кувалды стали уже кузнечными молотами и прессами, началось обледенение и возникли в отдалении льды. Под эти дела капитан отдал команду безо всяких держать курс на Мурманск. Так что получил время на преподавание физики Москалев, получил время на хождение по траулеру с кроссвордом и приставание к людям тралмейстер Данилов, выкликающий:

— Ну, женщина-воин, однако не амазонка — кто знает?

И три дня каждочасно посещал натруженную промыслом машину стармех Алексей Алексеевич Скидан, присасывался ухом к кожухам двигателей, на безмолвные взоры отвечая так же безмолвно, жестом руки: ничего, не доконали гонкой за рыбой, доставит нас до порта приписки машина, не подведет.

Вот утих шторм, были раздраены иллюминаторы, и к громадному запаху моря примешался пока что тонкий, нестойкий, будто в рыбном магазине стали торговать дынями, запах материка.

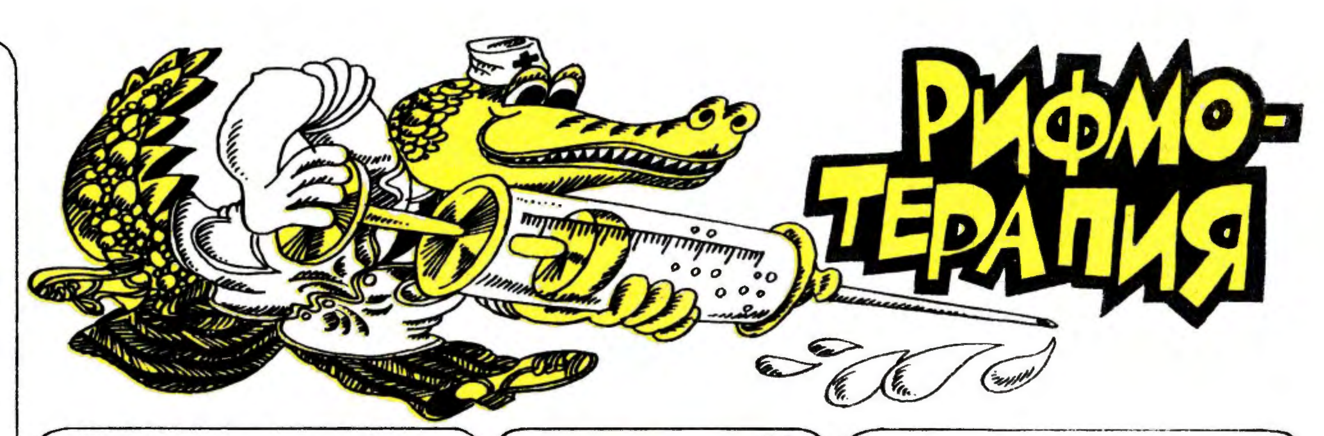
Груженный под завязку «Ижевск» полным ходом шел на морские ворота Мурманска — Кольский залив. Причудливого кроя и расцветки полыхали над траулером полярные сияния, и в ночи на удачливом траулере спали все, кому полагается, не спала лишь вахта и еще двое: кто-то, видимо, из должников физика Москалева, нудным голосом зубрил переложенный на стихи Архимедов закон:

— Тело, всунутое в воду,
Выпирает на свободу
Силой выпертой воды
Тела, впертого туды...

И горел еще иллюминатор в капитанской каюте. Но зря было бы думать, что капитан, отлично завершив этот рейс, планирует ночью новые рейсы, вычерчивает на морских картах новые стрелы охвата и взятия в клещи многотонных рыбных косяков.

Нет, в ночной час на подходе к дому капитан Юрченков, выкроив время для любимого занятия, из свинцовых капель и волосяной толщины крючков ладил мормышки для подледного лова материковых ершей.

Баренцево море.

Андрей КАРАСЕВ

Пустяки

Существует в наше время
Недовымершее племя
Из семейства грызунов.
Это племя «несунов».
На своем родном заводе
Не воруют они вроде,
Так... возьмут и унесут.
Их задержат, потрясут...
А они опять несут.
Мы спросили у завкома:
— Вам явление знакомо?
— Что ж, ответим, коль
спросили.
Не жалеем мы усилий,
Не бросаем мы борьбы,
Только бы не выносили
Много... сору из избы!
Факты есть, но единичны,
Для завода нетипичны,
И не надо обобщать!
Даже просто неприлично
Всем об этом сообщать!
Вы спросите нас о плане,
Выполнении заданий,
О путевках на Кавказ,
О числе премирований,
О постройке финской бани —
Вот о чем спросите нас!
Мы покажем наши вехи
Продвижения вперед!
Есть рекорды, есть успехи,
Потому что в каждом цехе
Мы давно внедрили НОТ!
«Несуны» же — это частность.
Много ль парни унесут?
Так нужна ли в этом гласность?
Не такая уж опасность,
Чтоб тащить кого-то в суд.

Нет, тревога не напрасна:
Там, где люди безучастны,
И завод весь разнесут!

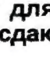

Борис НОТКИН

Много шума...

Гремят на многолюдном митинге
Оркестры и салют:
Очередной объект для критики
Строители сдают.

г. Ленинград.

Владимир ШЛЁНСКИЙ

Драма

Колокольчики, клевер, кашка
наблюдали большой скандал —
одуванчик влюбился в ромашку.
Бедный, голову потерял.
Распечально играл кузнечик
на зеленой струне травы...
Ободрить одуванчика нечем.
Что мы стóим без головы?

Николай ДОРИЗО

Если б мир
тождествен был
по сходству,
Было бы бесцветным бытие.
Красота
обязана уродству
Тем,
что замечаем мы ее.

* *
*

Мудр
во всем он —
так бывает.
Лишь
в одном
дурак,
ей-ей,
В том,
что умного
считает
В сотни раз
себя глупей.

* *
*

Мы чье-то превосходство
не умеем
Терпеть над нами
даже и на час —
Мы любим
слабых,
тех,
кого жалеем,
Не любим
сильных,
кто жалеет нас.

Байрам САЛИМОВ

Музыкальный момент

Столетье наше —
Век вещанья бурного.
Мы к радио привыкли с детства,
Но
На станции спасательной
Дежурного
Вещанье подвело не так давно:
Спасаясь от транзисторов на пляже,
Он уши плотно так себе заткнул,
Что крик
«Спасите!»
Не услышал даже.
И кто кричал — тот так и утонул.

Перевел с лезгинского
Николай КНЯЗЕВ.

Н. ЛУЧИНСКИЙ

Зайчиха-модница

Зайчиха в дамский зал пришла чуть свет, вертясь:
— Енот, голубчик, перекрась!
Мне шубка белая ужасно надоела...
Еще подумают:
Зайчиха поседела.
Хочу быть рыжей, голубой,
Любой,
Лишь бы какой-нибудь другой.
— Ну, что же, милочка, смотри сама,
Но не забудь: сейчас зима.
Ты в новой шубе будешь выделяться —
Как бы на Волка не нарваться.
Тогда не только мех — прощай и голова...
Но, знать, пошли не впрок Енотовы слова.
Зайчиха вышла ярче, чем афиша,
Рыжа до красноты.
От радости чуть дышит.
По лесу не бежит — плывет.
А Волк уж тут как тут: ее под елкой ждет.
И стар, и слеп, и носом чует худо.
Но не заметить дуру было б чудом
(Зайчиху рыжую увидишь за версту).
При шубке белой ей бы — прыг! — к кусту,
Присесть, поглубже в снег зарыться,
И жизнь была бы спасена.
Но
Перекрасилась она...
Бедняжка ну метаться и кружиться,
От страху прыгать и визжать.
Да поздно:
Волк ее зубами хвать!
И тут же разорвал у ели.
Лишь клочья шубки модной полетели...

Мораль:
Не стоит ради моды
Идти насупротив природы.

Архангельская область.

Александр ГАЛКИН

Исчерпывающе...

— Салют!
Как жизнь?
Жена у моря?..
Куда спешишь?
Где спишь?..
Как шеф?
— Привет!..
Не жалуюсь...
В Мисхоре.
В кино.
На даче.
Лучше всех!..

Перевел с чувашского
Иван ЗАКОНОВ.

Яков
КОЗЛОВСКИЙ

Чучело

Объявило чучело
При народе:
— Мне стоять наскучило
В огороде.

Я желаю смолоду
Красоваться.
И пошло по городу
Прогуляться.
Чучело, чучело,
Ничего себе
Номер отчебучило,
Ничего себе.
Спорило, канючило,
Модно одевалось,
Но при этом чучело
Чучелом осталось.

Страстно очи пучило
То и дело.
Быть женатым чучело
Захотело.

О любви мяучило
Постоянно.
И женилось чучело,
Как ни странно.

Чучело, чучело,
Ничего себе
Номер отчебучило,
Ничего себе.
Спорило, канючило,
Модно одевалось,
Но при этом чучело
Чучелом осталось.

Степан ШИРОБОКОВ,
народный поэт Удмуртии

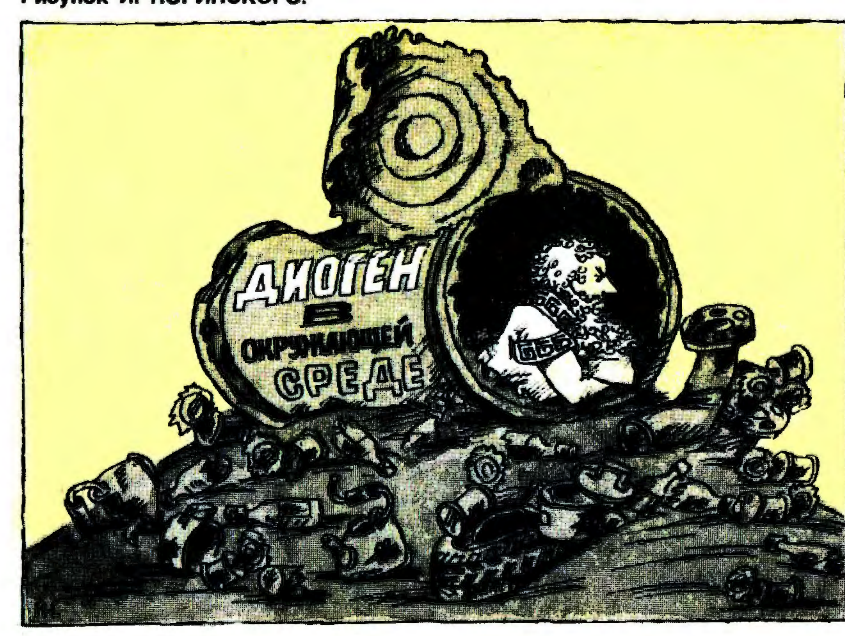
Руководить? Руководить!

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
МОНОЛОГ

Да, нелегко руководить...
Об этом я прекрасно знаю.
Всем надо дело разъяснить
так,
как его я понимаю...
Чуть свет встаешь —
и в кабинет,
к столу торопишься привычно.
Я должен все проверить лично.
Дать указанье.
Дать совет,
где сеять редьку,
где капусту,
где сеять редко,
а где густо,
где кукурузу,
где ячмень...
Вот так и сею целый день.
Я вам признаюсь —
нелегко
руководить.
Но успеваю.
Спешу в колхозы,
разъясняю,
откуда льется молоко...
Где агроном?
А вот и он.
Я расскажу ему про лен.
Дам указанья.
Он смолчит:
ведь должность-то мою он чтит.
Бригаду встретил на пути.
Решил на помощь ей прийти.
Дал указанье,
как на воз
грузить положено навоз...
С утра нагрет мой телефон,
трещит без перерыва он.
Но как успеть мне одному
помочь тому,
помочь сему?
Чтоб дело двинулось на лад,
второй мне нужен аппарат.
В две трубки буду говорить.
Руководить?
Руководить!

Перевел с удмуртского
Владимир ШЛЁНСКИЙ.

Рисунок И. НОРИНСКОГО.

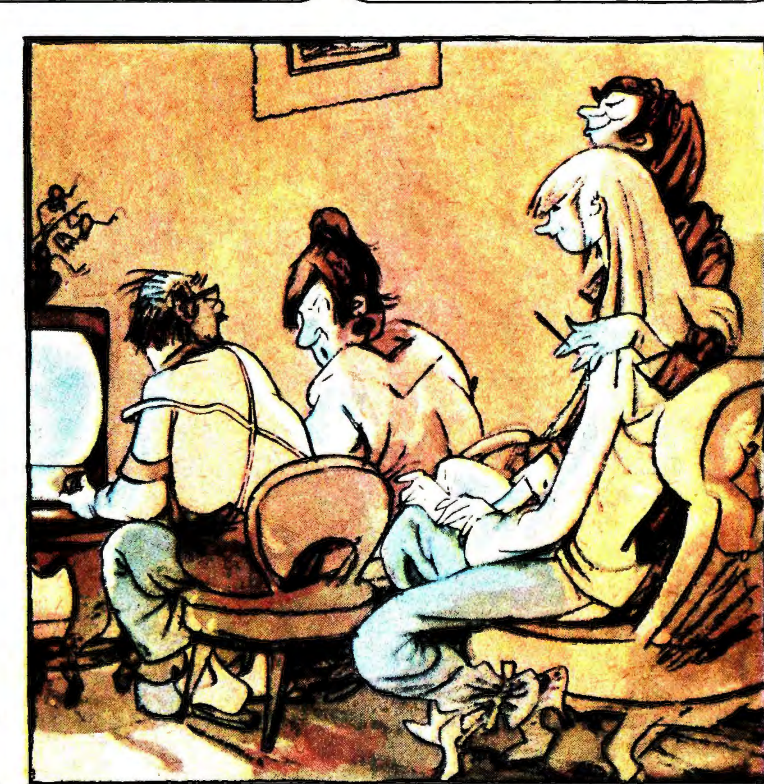
— Пиши: воду дали!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Градусов маловато...
— Лишь бы за «компотик» не схлопотать многовато!

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

— Наверное, наш сын женился. Третий день уже вижу эту особу у телевизора.

Рисунок Г. ИОРША.

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

ТОМАТЫ И СЛУЖЕБНАЯ ГОРДЫНЯ

Ю. Туркин кровно обиделся на Н. Устинова.

— Я просто не знал,— сказал он мне с тонким намеком,— что это за человек.

Ю. Туркин — главный инженер Главконсервпрома Минплодоовощхоза СССР. Должность Устинова — чуть пониже. Поэтому я посоветовал собеседнику вызвать обидчика не на дуэль, а на ковер.

— Видите ли,— замялся Юлий Константинович,— он не один. За ним стоит весь Главмосплодоовощпром.

Я понял, что столкнулся с совершенно новым типом служебных взаимоотношений, и мне захотелось узнать о них поподробнее.

— Вообще-то все началось с помидоров,— посвятил меня в историю служебной тяжбы главинж.— Знаете ли вы, сколько в Москве скапливается в летне-осенний период мятых и давленых помидоров?

— Наверное, много,— предположил я.

— Вы даже не представляете себе, сколько,— уточнил он.— Поэтому я и решил поставить в одной из московских плодоовощных контор импортную линию для производства томатной пасты.

— Замечательная идея,— согласился я.— Тем более что в магазинах этой пасты я что-то давненько не видал. А будучи любителем борща...

— Вот видите! — обрадованно воскликнул Туркин.— Но они,— и он пренебрежительно махнул рукой в неопределенном направлении,— они не захотели. Пусть им будет хуже...

Ясно, подумал я, Главмосплодоовощпром в лице Н. Устинова отверг блестящую идею Ю. Туркина. Да за это надо... И я как заинтересованное лицо (покупатель и борщеед) стал придумывать кары, которые министерство должно было обрушить на Главмосплодоовощпром и конкретно на Н. Устинова.

Но тут же спохватился: а почему, собственно, я должен придумывать? Почему само министерство не приструнило строптивый главк?

...По данным статистики, наибольшее количество помидоров на душу населения приходится в Узбекистане. Их там вырастает так много, что население не в силах все съесть, а железная дорога не в состоянии справиться с перевозкой излишков. Вот почему Минплодоовощхозом СССР было принято мудрое решение: заказать в Венгрии для Узбекистана линию по производству из помидоров томатной пасты.

Узбекские консервщики восприняли решение с восторгом. Не знаю, как насчет цветов и оркестра, но место для оборудования было приготовлено, энергетическая база обеспечена, сырье имелось, рабочей силы хватало. Словом, ждали только телеграммы: «Встречайте!»

Но вместо торжественной телеграммы пришла скучная бумажка за подписью замминистра плодоовощного хозяйства СССР В. Пененкова: линию П-16 переадресовать из Узбекистана в Москву, в Ленинградскую районную плодоовощную контору.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — сказали узбекские консервщики (в переводе на русский).

А заместитель министра плодоовощного хозяйства республики Д. Олейниченко, не поверив бумажке, позвонил в Москву.

— Так надо,— твердо сказал Юлий Константинович Туркин.— Москве линия нужнее.

Ну, что ж, из столицы виднее, кому что надо.

И вдруг... случился небольшой скандал.

Сообщение о том, что линия предназначена для Ленинградской районной конторы, было в самой конторе встречено с великим ужасом.

— Да мы же не готовы принять эту линию! — завопили работники райконторы.

Выяснилось, что:

а) линия не проходит по габаритам;

б) для линии не хватит пара и электроэнергии.

Не говоря уже о том, что нет складов для сырья.

Обо всем этом в Минплодоовощхоз СССР написали зампредседателя Ленинградского райисполкома И. Яриков и директор конторы И. Волкова.

А спустя месяц из Главмосплодоовощпрома пришло еще одно сообщение, круто подкосившее идею Туркина под корень: «Использовать линию в других московских плодоовощных конторах не представляется возможным из-за отсутствия площадей и инженерного оборудования».

Вот тогда-то Ю. Туркин и обиделся на Н. Устинова.

— Как же это вы, Николай Никифорович, а? Вы что же, не понимаете, какую мы вам замечательную линию даем? Вы сначала согласились. Вот даже подпись ваша на одной бумажке есть.

— Так вы же меня и уговорили подписать, Юлий Константинович. А потом, когда мы узнали о производительности этой линии, оказалось, что она съест все помидоры, которые мы завозим в Москву,— и мятые и немятые... Так что не обессудьте. Ведь и технико-экономического обоснования того, что линия может быть установлена в наших предприятиях, нет. А без ТЭО, извините, никакого оборудования нельзя ставить — это вам любой начинающий инженер скажет.

А тут еще как назло прибыли в Москву из Кишинева наладчики — линию ту монтировать. Ходят они, обивают пороги министерства, требуют дела. Ну, скажите, до них ли сейчас?

Конечно, лучше отправить бы томатную линию в Узбекистан, кому она обещана и где она нужна. Но самолюбие не позволяет. Этакая служебная гордыня: отказал — все, обратного хода не будет.

И тогда стали предлагать П-16 Украине для переработки арбузной мякоти. Но в Киеве не согласились. Сватают сейчас беспризорную линию в Таджикистан, да только неясно, сгодится ли. Ведь ТЭО-то нету... Так и пролежало оборудование, которое стоит полмиллиона, на складе весь 1982 год.

...Перед тем как написать фельетон, я попросился на прием к заместителю министра В. Пененкову, который подписывал самую первую бумагу: вместо Узбекистана переадресовать линию в Москву.

— Да,— согласился Всеволод Сергеевич,— вполне возможно, что мы допустили ошибку. Но в таком случае я не хочу винить одного лишь Туркина. Мы виноваты оба.

Я оценил благородство замминистра, который хочет разделить вину с подчиненным. Хотя, если подумать, полвины — это все-таки вдвое меньше...

Арк. ИНИН

АРТИСТЫ

Рассказ

Молодой актер Сеня Зотов не пил. Как известно, актеры — тоже люди, и среди них, как и среди бухгалтеров, или, скажем, геологов, или, к примеру, пожарников, встречаются люди и пьющие и непьющие. Сеня Зотов был непьющим. То ли потому, что организм у него был так устроен, то ли потому, что молодого артиста настораживали отдельные примеры артистов заслуженных.

Но бухгалтер Рощин, геолог Дутько и пожарник Топчан всего этого не знали. Случайные попутчики, собравшиеся в одном купе, они уже рассовали чемоданы под полки и стояли у окошка в коридоре, окидывая прощальными взглядами перрон.

Сеню Зотова, бегущего по перрону с чемоданчиком, они узнали сразу.

— Гляньте, артист! — оживился бухгалтер Рощин.— Из третьей серии, наш лейтенант Доброутров.

— Точно,— подтвердил геолог Дутько.— Он же в четвертой серии — ихний штурмбанфюрер Гутенморген.

— А в пятой,— уточнил пожарник Топчан,— снова наш Доброутров. Только уже капитан.

Сеня Зотов подбежал к их вагону.

— Только бы не в наше купе — покою не будет! — заволновался бухгалтер Рощин.— Эти артисты — ух как пьют!

— А напьются — дебоширят,— вздохнул геолог Дутько.— Бутылки в окна кидают, стаканы бьют, зеркала...

— И стоп-кран обязательно срывают,— кивнул пожарник Топчан.— Страшное дело — артисты!

Их опасения подтвердились: запыхавшийся Сеня Зотов ввалился с чемоданом в купе. Однако попутчики — люди интеллигентные — конечно, ничем не выдали своего беспокойства. Наоборот, сердечно приветствовали актера, не скрыли, что узнали в лицо, разговорились. Выяснилось, что бухгалтер Рощин едет на обмен передовым опытом, геолог Дутько — на поиски полезных ископаемых, а пожарник Топчан — на пожар. На тренировочно-показательный пожар, где он должен участвовать в соревновании лучших брандмейстеров.

А Сеня Зотов ехал на съемки нового фильма.

— Это хорошо! — заявил бухгалтер Рощин.— Тогда предлагаю — за ваш успех!

И достал из чемодана бутылку водки.

— За удачу! — поддержал геолог Дутько.

И достал бутылку портвейна.

— За большую творческую удачу! — уточнил пожарник Топчан.

И достал бутылку коньяка.

— Спасибо! Большое спасибо! — сказал Сеня Зотов.

И достал две бутылки минеральной.

Попутчики рассмеялись его шутке. Бухгалтер Рощин разлил по стаканам водку. Все придвинули стаканы к себе, а Сеня Зотов свой — отодвинул. Попутчики новым смехом оценили его новую шутку. А когда он сообщил, что вообще не пьет, смех не смолкал минуты полторы. Попутчики больше не жалели, что Сеня Зотов оказался в их купе,— артист им попался настоящий, веселый.

Но Сеня все отодвигал стакан, и они наконец обиделись. Тогда Сеня стал клясться, что вовсе не хочет их обидеть, просто он действительно совсем, никогда, вообще... Это не помогало, попутчики продолжали обижаться до тех пор, пока бухгалтеру Рощину не пришла в голову счастливая мысль: наверно, у Сени очень больное сердце, такое больное, что, может, ему и жить-то осталось чуть-чуть. Эта мысль обрадовала и успокоила попутчиков, и они от всей души опрокинули свои стаканы за здоровье артиста.

Но прямодушный Сеня, желая их утешить, сообщил, что сердце у него абсолютно здоровое. Как у быка.

Попутчики снова обиделись. Геолог Дутько разлил по стаканам портвейн и спросил: а если не сердце, так тогда что? Сеня сказал, что ничего. А если ничего, то как же можно не выпить за дальнейший расцвет киноискусства, которое без этого ни за что не расцветет, а, возможно, даже совсем захиреет!

И они выпили, чтоб не захирело. И уже больше не приглашали Сеню Зотова, который своим отказом выпить доказал, что не переживает за судьбу киноискусства, и который, похоже, не настоящий артист и, может быть, даже вообще не Сеня Зотов... И они потребовали у него документы.

В документах было написано, что он Сеня и что он артист. Это чрезвычайно обрадовало усомнившихся было попутчиков. Они опять все официально представились Сене Зотову и тоже предъявили ему свои документы.

Но Сеня проверять их документы отказался. Тогда попутчики снова обиделись. Пожарник Топчан разлил по стаканам коньяк. Они выпили, и Рощин выбросил все бутылки в окно и сказал, что стаканы тоже уже ни к чему, и стал бить их об пол. А потом Дутько решил, что зеркало в купе кривое, отчего у них у всех получаются не лица, а рожи, и он это зеркало расколотил. А потом Топчан вдруг обнаружил, что они едут совсем не в ту сторону, и решительно рванул стоп-кран...

А потом их документы все-таки проверяли — срочно вызванный милицейский наряд. И актер Сеня Зотов никак не мог понять только одного: в документах попутчиков было ясно указано, что они — бухгалтер, геолог и пожарник, так отчего же старшина милиции, оглядывая произведенные разрушения, качал головой и почему-то приговаривал:

— Ну, артисты, ну и артисты... Настоящие артисты!

Мимоходом

Способен ли человек слова на дело?

Уменьшается ли количество ума, если он становится тоньше?

Только мыслящий человек способен не думать о некоторых вещах.

С. КРЫТЫЙ, г. Москва.

Трагедия женщины: выглядеть моложе своих лет и не иметь возможности этим похвастать.

Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ, Олег ПОПОВ, г. Киев.

Так и хочется свести личные счеты с человеком, у которого брал взаймы.

С. ЕРШОВ, г. Ростов-на-Дону.

— Это я, что ли, мама, должна смотреть за твоими внуками?!

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Что, магазин стройматериалов открыли?
— Нет, свалку.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Жан Эффель и Борис Ефимов в редакции журнала «Крокодил».

НАШ ДОБРЫЙ ДРУГ

Стремительно, ярко, весело, азартно вошел Жан Эффель в сатирическое искусство нашей планеты. С тех пор прошло почти полвека, а я и сегодня отлично помню радость первого знакомства с опубликованными в советской печати рисунками молодого Эффеля, подкупавшими своей милой непосредственностью и простотой, свежим, неожиданным и озорным восприятием окружающего мира.

Нельзя было не поддаться очарованию этих уморительных, чуть-чуть стилизованных под наивную инфантильность, остроумно придуманных комических сценок. Забавно была сделана даже подпись художника в виде маргаритки — из букв, составляющих имя и фамилию автора.

Неутомимо находя сюжеты везде и всюду, куда ни обращается его зоркий, наблюдательный и лукавый взгляд, Эффель создает сотни карикатур — целый огромный, веселый, одновременно воображаемый и реальный мир. Видные политические деятели и «маленькие люди», библейские персонажи и басенные звери, полицейские и рыболовы, переплетение бытового и сказочного, фантастического и повседневного...

Из года в год неуклонно возрастает успех Эффеля. Но если вначале он многим казался художником «чистого юмора», этаким, как писали, симпатичным, но безобидным «светлячком», то очень скоро обнаружилось, что молодой карикатурист-самоучка вооружен едкой и злой иронией, точным и неотразимым сатирическим ударом. Оказалось, что в лице Эффеля прогрессивная политическая сатира приобрела первоклассного, не знающего устали и промаха бойца.

В этом маленьком, хрупком человеке жил несокрушимый мужественный дух. Не всем, может быть, известно, каким смелым солдатом проявил себя младший лейтенант разведки Франсуа Лежён (подлинные имя и фамилия Жана Эффеля) во вторую мировую войну, в дни, когда пресловутая «странная война» между Францией и Германией превратилась начиная с 10 мая 1940 года в войну «нормальную», то есть разрушительную и кровопролитную. Именно тогда за выполнение опасного задания командира полка Эффель получил боевую награду — орден «Военный крест».

Позднее, в тяжкой, гнетущей атмосфере гитлеровской оккупации, Эффель стоически продолжает свою художественную деятельность, организуя передвижные выставки бытового юмористического рисунка, цель которых — хотя бы этим путем противопоставить тупому фашистскому варварству несгибаемость и оптимизм французского национального характера. В буклете, выпущенном Эффелем, говорилось: «Конечно, мы переживаем страшное, тяжелое, трагическое время, но французское остроумие не должно исчезнуть. Фейерверк шуток, вселяя в нас надежду, поможет нам в преодолении наших трудностей». Но в это тяжелое время Жан Эффель не только шутил. Известны факты его мужественного поведения гражданина и патриота. Известно его активное участие в движении Сопротивления в условиях смертельной опасности, когда по следам художника шли гестаповские ищейки.

В послевоенные годы широко, многогранно развивается и расцветает творчество Эффеля. Его сатирическое искусство верно служит интересам мира, демократии, гуманизма. Поразительно широк и разнообразен диапазон художественных интересов этого непостижимо плодовитого и неугомонного рисовальщика. Это и политическая карикатура на темы крупнейших международных событий, и бытовая юмореска, и всемирно известные серии рисунков на библейские сюжеты — «Сотворение мира» и «Сотворение человека», и превосходные иллюстрации к классическим басням, и боевые антимилитаристские альбомы-памфлеты. Наряду с этим — огромная работа в области промышленной графики, торговой рекламы, туристического и коммерческого плаката, оформления тканей, витрин, выставок, сувениров.

Беспокойная, новаторская натура Эффеля ищет и находит все новые и новые возможности приложить свое мастерство. В орбиту его интересов попадает и детская игрушка, и роспись на фарфоре, и мультипликационное кино, и даже... создание международной, понятной человеку любой национальности идеографической письменности. Помню, с каким увлечением, темпераментно чертя карандашом по бумаге, Эффель демонстрировал мне придуманные им занятные иероглифы-пиктограммы, обозначавшие всевозможные предметы, явления, цвета спектра и даже отвлеченные понятия.

Самые злые, гневные, убийственно разящие карикатуры Эффеля пронизаны изящным, подлинно французским юмором, эстетическим вкусом, тонким чувством меры. Перенося в политическую сатиру комические приемы бытового юмористического рисунка, Эффель остроумно усиливает ее эффективность.

«Сатира — это ненависть с улыбкой» — эти слова Эффеля, сказанные им в Кремле при вручении ему международной Ленинской премии за укрепление мира между народами, очень выразительно определяют творческий стиль сатирика — жизнерадостный и светлый, но вместе с тем бескомпромиссный и наступательный.

Улыбаясь, разил Эффель в довоенное время трусливых пособников фашизма, предателей, продажных политиканов всех мастей. Улыбаясь, разил он впоследствии проповедников «холодной войны», новых претендентов на мировое господство, ядерных маньяков, антисоветчиков и антикоммунистов. Он был верным, искренним другом Советской страны, с величайшей охотой публиковал свои работы в советской печати, был избран почетным членом Академии художеств СССР. Теплые, дружеские отношения связывали его со многими советскими художниками, собратьями по сатирическому оружию.

И вот мы его лишились. Невосполнимая утрата для мировой антифашистской антиимпериалистической, антирасистской сатиры. Глубоко скорбя по безвременно ушедшему из жизни Жану, мы гордимся тем, что этот замечательный человек и художник — смелый, добрый, веселый — был нашим единомышленником и соратником.

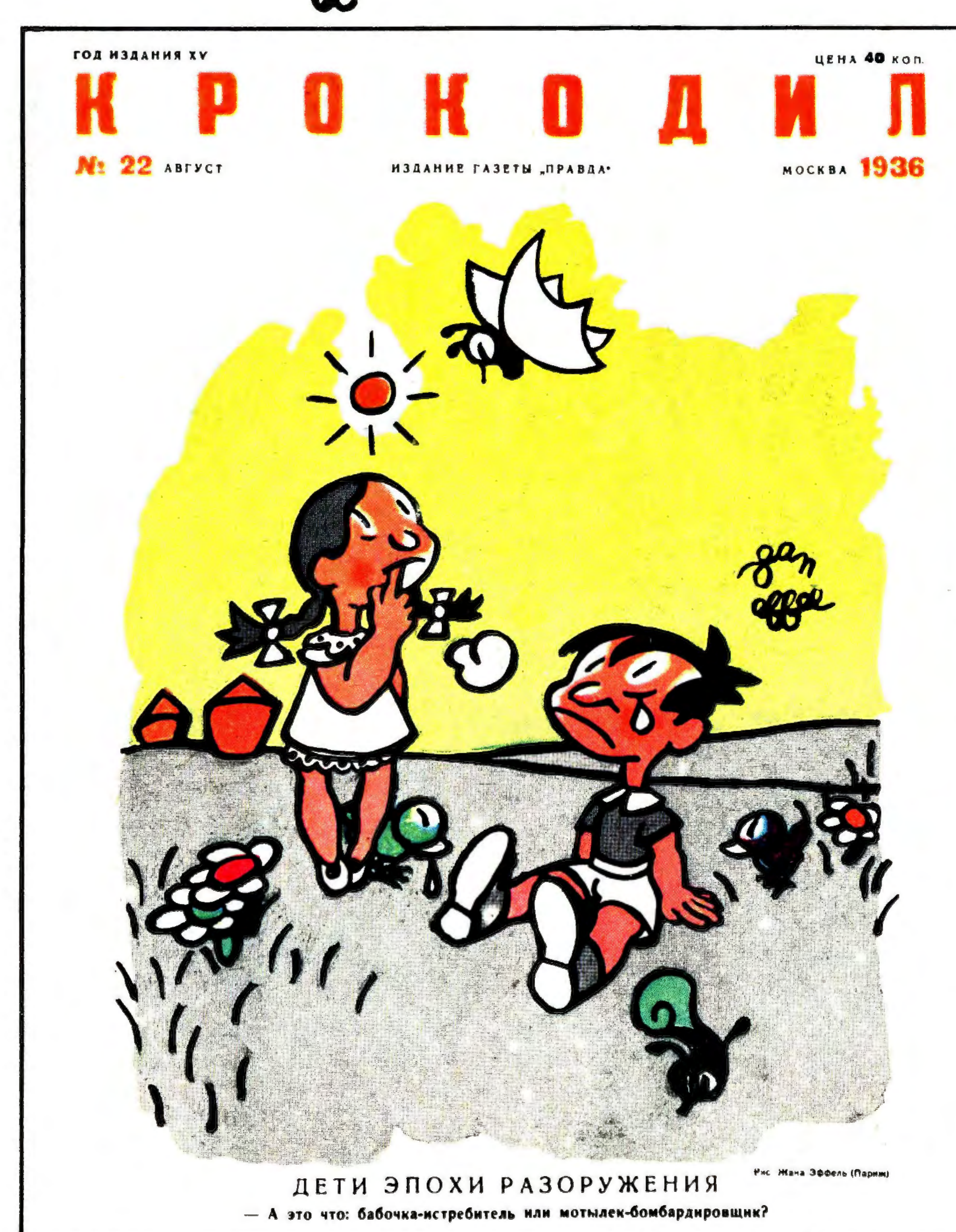
В предисловии к своему «Сотворению мира» Эффель писал:

«...Эта книга должна стать поэмой во славу человека, произведением, исполненным любви к нему и верой в него».

Такой поэмой — оптимистической, воинствующей, целеустремленной — является и вся деятельность, все творчество, вся жизнь Жана Эффеля, художника, мыслителя, гуманиста, солдата.

Он продолжает жить и будет жить всегда в своих неувядаемых работах, в нашей благодарной памяти, в истории мирового сатирического искусства.

Бор. ЕФИМОВ.

Этот день был распланирован фельетонистом до мелочей: 9-00 — приход в редакцию, 18-00 — отъезд домой, промежуток между 9-00 и 18-00 — наведение порядка в накопившихся во время очередной командировки сатирических делах. Однако уже в 9-15 корреспондент Крокодила просовывал голову в окошко кассы «Аэрофлота»: «Один билетик в Донецк, пожалуйста. Лучше всего на сегодня».

Причиной коренной ломки личного рабочего плана стало письмо донецких шахтеров, которое нашел фельетонист на своем столе.

А. ЯЧМЕНЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ПРОФАНАКТОРИЙ

— За что? — глухо проронил притихшему собранию мастер-взрывник А. Н. Андриенко.

— За отличную многолетнюю работу.— Член местного комитета макеевской шахты «Советская», что на земле, вернее, под землей Донецкой области, попытался изобразить на лице улыбку.

— Сердечное спасибо! — съязвил Андриенко и вышел, хлопнув дверью.

Из-за двери прорвался зажатый крик: «Следующий!» Распределение путевок в шахтерский профилакторий продолжалось.

Теперь самое время пояснить, почему не ломятся ежесекундно к начальству рабочие шахты с требованием: «Дай! Дай путевку в профилакторий!» Почему отмахиваются, отнекиваются и отбрыкиваются от предлагаемого за чисто символическую плату пребывания на полном пансионе, в холе, неге и под заботливым наблюдением медспециалистов. Может быть, чисто символические в профилактории также пансион, хола, нега и забота? Да провалится под землю ниже самого нижнего штрека шахты тот, кто скажет такое! Ни единого худого слова не довелось услышать фельетонисту о деятельности профилакторского поварского и медицинского персонала, а услышал он от шахтеров повествование, которое и передает сейчас, исключив лишь отдельные, сугубо специфические обороты речи...

— Да, братцы,— проходчик Иван Макаров молодецки постучал по земле подошвами, согреваясь,— профилакторский завтрак — это вам не тещин блин. Калорийность — как у нашего уголька, высочайшая. (Где ж он, родимый, не видать ли вдали?)

— Не видать покуда.— Коллега по проходке Дима Цыганков шумно похлопал себя по плечам.— Но скажу я вам, ребята, здешние лечебные ванны — это песня, спетая кожным покровам и всей вегетативке! Выходишь оттуда, как Иван-царевич из молочной купели. (Ну, где же он, запропащий?)

— Ванны — это еще что! — Александр Мудрак, видный специалист по подъему из недр нарубанного угля, восторженно поцокал языком и поглубже упрятал лицо в воротник.— А вот как пройдутся по тебе, как по клавишному инструменту фирмы «Беккер», пальцы массажистки, разминая натруженный мускул, то и чувствуешь в себе силу угольного комбайна. Спустись в тот момент в лаву — зубами уголь будешь грызть и нагрызешь за смену две нормы. (Да где же он, проклятущий?!)

Проклятущий в это раннее утро так и не появился. Не появился к окончанию смены, на утро следующего и последующих дней. В связи с чем утренние разговоры приобрели несколько иной характер.

— Черт с ним, с завтраком,— бубнил, проваливаясь на каждом шагу в сугроб, проходчик Макаров.— Пусть без меня трескают, а мне выговор за опоздание на работу получать без удовольствия.

— И ванны эти,— Цыганков свирепо втискивал голову в ушанку,— рассадницы ОРЗ. Просушиться времени нет. Выскочишь на мороз — волос леденеет, и его в пору отбойным молотком разледенять...

— И, скажу я вам, хлопцы, массаж,— коротал дальнюю дорогу беседой Мудрак,— пустое дело. Пока до шахты добредешь, ноги уже отваливаются. И больше я в этот профилакторий — ни ногой. Кому и когда пришла в голову эта дикая мысль с профилакториями?!

...Разумеется, идея профилактория отнюдь не дика, а, напротив, хороша со всех сторон. Судите сами, после тяжелой смены шахтера встречают не домашние хлопоты, преферанс по маленькой и с «маленькой», а хорошо продуманный отдых в сочетании с лечебно-оздоровительным набором процедур. Глубокий, спокойный сон, затем завтрак — и на работу. И так в течение 24 дней. За 22 целковых! Но для шахтеров январского заезда 1982 года этот отдых превратился в сущее наказание. И все из-за него, проклятущего.

Из-за автобуса, который должен был доставлять рабочих от шахты до профилактория и обратно. Для пешего хода конец немалый — почти 10 километров.

Обещанный руководству шахты транспорт как в угольный пласт провалился, и напрасны были письменные «караулы» секретаря теркома профсоюза В. П. Коршикова как в адрес производственного объединения «Советскуголь», так и в сторону зав. транспортным отделом Макеевского горисполкома А. И. Казакова. И в свете рассказанного весьма уместным находит фельетонист ознакомить товарищей, не изыскавших одной-единственной транспортной единицы для шахтеров, со словом, которое родилось где-то в глубине угольного пласта шахты.

Вот оно, это слово:

ПРОФАНАКТОРИЙ.

Задумаемся над ним, но отнюдь не с целью лингвистических изысканий. Припомни, читатель, сколько раз в твоей жизни крохотная, мелкая, незаметная как будто деталь начисто перечеркивала нечто большое и хорошее? Сколько раз один-единственный кирпичик, вынутый чьей-то равнодушной рукой, рушил стройное строение? Каково количество лучезарных начинаний, мелочью превращенных в профанацию?

Разумеется, равнозначных ответов на эти вопросы быть не может. Кому-то повезло больше, и на подобные камешки преткновения он натыкался меньше, а то и вовсе есть счастливчики, которым злокозненная мелочь не испортила и капли крови.

Несколько отступая от канонов сатиры, хочу обойтись в данном случае без морализирующего эпилога. Прошу считать этот фельетон камнем в огород тех, кто призван не допускать появления на жизненных трассах, дорогах и магистралях даже камешков преткновения.

г. Макеевка.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

В Ивановском районе
В колхозе «Новосел»
Тарас, последний конюх,
На пенсию ушел.
Сказали деду: «Хватит!
Давай-ка на покой,
У нас сегодня в штате
Нет должности такой.
Неужто ты не понял —
Прошла твоя пора,
Кругом стальные кони,
«КамАЗы», трактора.
К чему твой мерин сивый
В эпоху НТР,
Когда теперь на «Ниве»
Гарцует землемер?
Зав. фермой — на мопеде,
На «Волге» — счетовод,
А там, где не проедешь,
Там трактор подвезет!»

Начальству не переча,
Стоял понуро дед,
И что на эти речи
Сказать он мог в ответ?
Конечно, мерин сивый,
Колхозный ветеран,
По лошадиной силе
Уступит тракторам.
И не найдешь в деревне
Сегодня днем с огнем,
Кто бы с сохою древней
Тащился за конем.

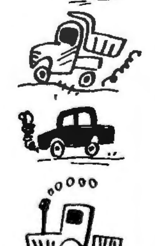
Да и когда начальство
Затребует в район,
Сто верст в двуколке мчаться,
Конечно, не резон.
Все это так, и все же
Слезу смахнул Тарас,
Обида деда гложет,
А вместе с ним и нас.

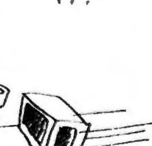

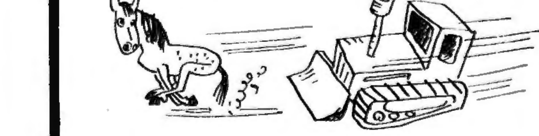
Нет, мы не заклинаем
Вернуться в старину —
Без техники, мы знаем,
Сейчас ни тпру ни ну.
И все-таки нелепо
(И выгодно ль едва)
На тракторе с прицепом
Тащиться по дрова.
И самосвал, наверно,
Гонять резона нет,
Чтоб птичницам на ферму
В обед свезти обед.

Да и себе накладно
(Не только для казны)
На «Волге» иль на «Ладе» —
К соседу на оладьи
И к теще на блины.
Не зря ли тьму бензина
Изводим мы порой,
Где силы лошадиной
Достаточно одной?
Да и иного рода
Убытки тоже есть,
Которых счетоводам
На счетах не учесть,
Которых финотделам
Не взять на карандаш —
Природа оскудела,
Беднее стал пейзаж
Без пегих и буланых,
Гнедых и вороных...
Не слишком ли мы рано
В тираж списали их?

КОГДА РЫЧАТ СТУДЕНТЫ...

На тихой улочке западногерманского города Вагенфельд за высоким забором расположился старинный особняк, в котором находится один из самых дорогих в мире колледжей. Двери его открыты только для немногих избранных. Сюда принимают либо отпрысков старинных аристократических фамилий, либо посланцев тех семей, которые, будучи не в состоянии похвастать знатной родословной, скромно обходятся званием миллиардера.

Отдельные занятия по специально разработанной методике посвящаются здесь тому, как следует себя вести в дорогом ресторане и в гостинице люкс. Тщательно отрабатываются навыки аристократического поведения при поездке в роскошном лимузине и на яхте. Предусмотрен и специальный курс верховой езды. В переводе на американскую валюту стоимость обучения — 175 долларов в неделю.

Педагогическое кредо колледжа — максимум внимания и любви к воспитанникам. Вместе с тем директор колледжа господин Вернер вынужден признать, что его питомцы не всегда отвечают взаимностью своим заботливым воспитателям. Студент способен огрызнуться на преподавателя, а то и — мы цитируем слова директора колледжа — «облаять его». И дело тут не только в том, что питомцы прибывают сюда из самых богатых семей, где так часто царит атмосфера вседозволенности. Дело, конечно, и в том, что студенты, обучающиеся под руководством господина Вернера, — собаки: королевские пудели и эрдельтерьеры, ньюфаундленды и спаниели...

САМУРАЙСКАЯ ИКЭБАНА.

Рисунок В. ГИНУКОВА.

— Погадай, красавица, сколько я еще жить буду?
— Метров 250—300...

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА.

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

НА СТАНЦИИ ПРУТ...

Откуда берутся воры?

Полностью осветить этот вопрос в фельетоне не берусь. Но в отдельно взятом случае разобраться попытаюсь.

Ночью по железнодорожным путям станции Прут-2 шли трое. Шли уверенно, не спотыкаясь о рельсы и шпалы, о стальные жилы стрелок, видимо, хорошо зная дорогу. Молодые, судя по походке.

Вот они подошли к тупичку, в котором притулилось несколько вагонов.

— Эти? — негромко спросил один.

— Думаю, они... Давай проверим.— И другой ловко просунул ломик под закрученную на дверном засове проволоку, на которой поблескивала пломба.

Без лишнего шума они приоткрыли дверь. Один влез в образовавшуюся щель.

— Ну? — нетерпеливо поинтересовались стоявшие снаружи.

— Что-то есть... Держи! — И из вагона полетели какие-то пакетики.

— Не то чулки, не то колготки женские... Сгодятся, пошуруй еще.

Послышался шум вскрываемого ящика, и в темноту ночи полетели более крупные пакеты.

— То, что надо! — радостно вскрикнул один из грабителей.— Женские трикотажные костюмы...

Так же быстро вскрыли следующий вагон — с плащами. В третьем была обувь...

На другую ночь все повторилось. И много раз повторялось с небольшими вариациями. Шли на операцию, например, не по трое, а вдвоем. Изящные женские сапожки вынимали из коробок и прятали в сумки, захваченные с собой, чтоб легче было унести. Пальто и кожаные куртки связывали узлами, шерсть и мохер втискивали в авоськи. Тяжелые аккумуляторы для автомашин носили по одному, несколько раз возвращаясь к вагону.

Так продолжалось около полугода. Шестьдесят пять вагонов были раскурочены на станции Прут-2.

Но известно: сколько веревочке ни виться, а конец, как в кинофильме, наступит обязательно. Ночных нечистых накрыли.

Обнаружилось самое пикантное. Ворами оказались те самые, кому была доверена охрана,— стрелки военизированной охраны грузов на Молдавской железной дороге. Восемь вооруженных охранников вкупе с машинистом тепловоза систематически грабили вагоны.

У самого активного из них, двадцатидвухлетнего Георгия Мицителу, на личном счету тридцать вагонов, к которым он приложил свою загребущую лапу.

Машинист И. Чауш, стрелки ВОХР Ф. Фрунза, И. Багрин, Д. Унчук и другие действовали и сообща и врозь, как когда удавалось.

Вот выдержки из интервью с ворами-охранниками об их первых шагах на уголовном поприще:

Ф. Фрунза. Мы с Мицителой, Багриным, Чаушем обнаружили, что в одном вагоне открыт дверной люк. Заглянули: аккумуляторы для автомобилей! Мы взяли девятнадцать штук, отвезли на мотоцикле в укромное местечко, а потом честно поделили...

Д. Унчук. Сперва брали все только из неопломбированных вагонов. Ничего не стоило такой вагон открыть: раз — и дверь поехала. А уж потом...

И. Багрин. Работал стрелком с 1976 года. Никогда ничего не брал. Но как-то увидел в парке открытый вагон. Посмотрел, в нем — женские трикотажные колготки. Ну и взял...

Кто-то из мудрых давным-давно изрек: возможность украсть рождает вора. На станции Прут-2 такие возможности были практически безграничны.

— За вагоны с ценным грузом,— говорит начальник группы охраны М. Махмут,— охранник должен расписываться. Но у нас это не практиковалось. Не расписывались и приемосдатчики, принимавшие вагоны от охраны... В общем, никто ничего не требовал друг от друга. А вагоны оставались открытыми...

— Вагоны иногда подавались с коммерческим браком, были открыты двери и люки, отсутствовали пломбы,— авторитетно заявляет заместитель начальника станции по коммерческой и грузовой работе Е. И. Чауш.— Был случай, когда вагон с запчастями для автомашин простоял с открытой дверью полтора месяца...

— Вагоны подавались под перегруз без пломб и совсем открытые,— подтверждают работники станции И. Претула, В. Фортуна и другие,— нужно было вызывать комиссию, но это слишком колготно... Охранники сами ставили на вагоны закрутки и пломбы.

Стоп! Любопытный нюанс. Нет пломбы, кто-то в вагоне уже шуровал — так навесим же новую пломбу, и все будет шито-крыто!

Ответственных работников на станции Прут такая практика, вероятно, устраивала. Не заметить нарушений сохранности вагонов намного удобней, чем поднимать по этому поводу шум!

И еще о некоторых возможностях. Когда-то, в далекие времена, все краденое воры несли «на малину» скупщику-барыге. Нынче и в этом вопросе есть усовершенствования. Модное барахло где попало и с удовольствием покупают поклонницы и рыцари «красивой жизни». Их не интересует, откуда эти шмотки берутся. Где уж там выяснять, что откуда, когда лихорадочный процесс купли происходит в общественном туалете, коридоре или на лестничной площадке...

Особое определение суда, воздавшего грабителям по заслугам, было вынесено в адрес руководителей ВОХР.

В результате чего двое из них отстранены от работы.

А строго ли спросили с руководства станции, с ее работников? Нет. Остались они в роли сторонних зевак, фланирующих по ту сторону шлагбаума с предупреждающей надписью «Берегись поезда!». Вроде бы и не их это забота — о благополучии проходящих грузов, о сохранности государственных ценностей.

Надо ли возвращаться к вопросу, поставленному мной в начале фельетона? Думаю, это излишне. И так все ясно. Когда семя падает на благоприятную почву — всходы появятся обязательно.

Молдавская ССР.

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ГОРЯЧЕЙ СТРОКИ

Читатель Е. Беласик из г. Бреста сообщал о том, что специальные перчатки для игроков в хоккей с мячом, изготовленные Белоомутской кожгалантерейной фабрикой, бесстыдно линяют (№ 18).

И. о. директора фабрики Г. Говтвяница в своем ответе редакции утверждает, что кожа для перчаток, получаемая с заводов объединения «Роскожпром», отвечает кондиции. Однако, чтобы впредь не было упреков (?!), фабрика просила «Роскожпром» повысить качество обработки изделий (?!).

Вот такие пироги!

ЛЕСОПОВАЛЬНЫЕ ЗАМАШКИ

Похоже, писали нам работники днепропетровского ресторана «Астория», директор В. Плужникова воспитывалась в дремучем лесу. Во всяком случае, подчиненных крыла наповал. «Ну, ты, дуб столетний!» — это швейцару. «Осина стоеросовая!» — это официантке. И так далее.

Заместитель начальника управления общественного питания Днепропетровского облисполкома А. Шевченко написал нам, что В. Плужникова за нетактичное отношение к подчиненным строго предупреждена.

МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ

И снова мы вынуждены обратиться к скорбной теме — состоянию кладбищ. На этот раз — нового кладбища в г. Калуге. Как написала нам дочь недавно скончавшегося участника Великой Отечественной войны А. Журухина, аллеи здесь поросли бурьяном, повсюду видны следы какого-то незаконченного строительства, и только усилиями отдельных родственников умерших поддерживается сносный порядок на могилах.

Заместитель председателя Калужского горисполкома В. Авдеев сообщил редакции, что обращено внимание начальника управления городского коммунального хозяйства С. Сидорова и директора комбината похоронного обслуживания А. Самолетовой на низкий уровень культуры содержания кладбища. Исполком наметил меры по устранению недостатков и изыскивает средства для завершения строительства ритуальных помещений и благоустройства территории в 1983 году.

НЕ ГОРИТ?..

— Помогите! Без вас не управиться! — просит совхоз горожан. Горожане откликаются, приезжают.

— Давайте работу, где она? — засучив рукава, говорят люди, ради помощи на уборке оставившие свои рабочие места. Но работы нет.

Именно так и случилось с работниками пожарной части № 1 г. Новокузнецка, приехавшими в совхоз «Ильинский» на уборку картофеля.

— Чего это вы так рано прикатили? — удивленно спрашивал их кое-кто из работников совхоза.

— Почему рано? Согласно договоренности, — отвечали пожарные.

— Не горит... — сказали им. — Картошка еще не выкопана, так что убирать вам нечего.

И, поскольку в совхозе пожара, к счастью, не было, пожарные провели там время впустую, не прикладая рук.

Об этом написал в редакцию Л. Журавлев, начальник пожарной части № 1. Его письмо было направлено в Кемеровское областное производственное управление сельского хозяйства. Зам. начальника управления Г. Торлупа сообщил: «Администрация и специалисты совхоза строго предупреждены о недопустимости впредь имевшей место неорганизованности. Управление сельского хозяйства Новокузнецкого райисполкома принесло извинение коллективу профессиональной пожарной части № 1 и заверило ее, что больше подобных срывов при выезде горожан на сельскохозяйственные работы не будет». Хорошо, если так.

А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

ДЕВУШКИ НЕ ВИНОВАТЫ

Дорогой Крокодил! Я несколько лет не могу купить себе помочи. Их моментально разбирает молодежь. Удивительно, что молоденькие девушки ввели моду носить брюки на подтяжках, а нам, старикам, брюки приходится поддерживать руками. Хорошо бы нарисовать на них карикатуру, согласно этому моему стишку:

За подтяжками порой
Бегут девушки гурьбой.
Забирают все подряд,
Обновляя свой наряд.

С. ГРЯЗНОВ,
г. Тейково Ивановской области.

Уважаемый Сергей Акимович, а девушки-то не виноваты. Да, они бегут за модой, но ведь промышленность должна бежать за ней еще быстрее!

БЕЗЖАЛОСТНАЯ ЛЬГОТА

Живешь вот и не знаешь, что за углом тебя поджидает радость.

Заворачиваю я за угол, вхожу в стоматологическое отделение поликлиники медсанчасти № 4 и прошу вставить мне зубы.

— Вы пенсионер? — вежливо говорят мне. — Давайте пенсионную книжку и почтовую открытку. Вам зубы вставят бесплатно.

Ну, как не порадоваться?

А регистраторша тем временем достает из стола пузатый пакет, до отказа набитый открытками таких же, как я, пенсионеров.

Засосало тревожно у меня под ложечкой. Чувствую, что тот угол, где была радость, я уже прошел и сворачиваю за другой.

— А когда зубы вставлять будете? — интересуюсь.

— Сейчас мы обслуживаем очередников за 1979 год. Вот и считайте.

— Так тогда я лучше за деньги, чем столько ждать. У меня пенсия приличная и еще работаю.

— Ничего не знаем, — машут руками. — Вы пенсионер, у вас льгота такая, которую мы отменить не можем, значит, бесплатно — и точка! Никаких денег от вас не примем.

Льгота — это прекрасно. Но, как видите, и прекрасное можно обратить в противоположность.

К. МЕЛЕХИН,
г. Омск.

Отклики и реплики

ЕСТЬ РАЗНИЦА

Уважаемый Крокодил!

В 1-м номере за 1981 год в разделе «Нарочно не придумаешь» ты напечатал цитату из газеты: «Горячей водой мыть ножи не рекомендуется, они от этого тупеют». Но то же самое я прочла в отрывном календаре. В чем тут ошибка, если она вообще есть?

Е. М-ва,
г. Ленинград.

Ножи тупятся. А тупеют только люди.

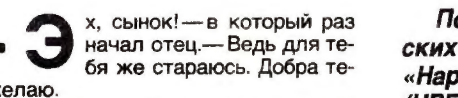

По итогам ежегодного международного конкурса юмористических рассказов «Алеко», который проводит болгарская газета «Народна младеж», лауреатами 1981 года стали: Румен Балабанов (НРБ), Шагдайн Ценд-Аюуш (МНР) и Армен Саркисов (СССР). От души поздравляем победителей и предлагаем вашему вниманию рассказ, занявший призовое место.

Армен САРКИСОВ

Рассказ

ЧАСТНАЯ ПРАКТИКА

— Эх, сынок! — в который раз начал отец. — Ведь для тебя же стараюсь. Добра тебе желаю.

Отец хочет, чтобы я занялся частной практикой. Выйдя на пенсию, он решил наконец сделать из меня человека.

— Ну, что ты тянешь? Диплом у тебя есть, зубы дергать умеешь. Вон рука какая жилистая — в меня пошел! А нашему роду силы не занимать!

— Отец, зуб удалить — это еще не все. Надо многому научиться, — слабо отбиваюсь я.

— Господи, учись на здоровье! Но и делом пора заняться. Кто ты сейчас? Врач поликлиники! Просто сердце разрывается! Нас с матерью пожалей. Людям на глаза стыдно показаться!

— Ну что мне эта частная практика даст?

Отец бьет себя по коленям и вскакивает. Спокойно разговаривать со мной он уже не может.

— Как ты не понимаешь?! Все дело в уважении! Будь ты хоть семи пядей во лбу, в поликлинике авторитета не заработаешь!

Я боюсь его снова разозлить и едва слышно спрашиваю:

— А пациенты? Кто ко мне пойдет?

— Вот это другой разговор! — радуется отец и подсаживается ко мне. — Это, дорогой, мне предоставь. Левона Оганяна весь город знает! Честью сочтут лечиться у моего сына!

— А оборудование?

— Будет, сынок! Бур, или как он там, я тебе куплю. Лишь бы ты счастлив был. А нам с матерью ничего не надо. Посмотри, я уже табличку заказал!

Он полез в карман и вытащил оттуда завернутую в платок полированную латунную пластинку.

— Смотри, как блестит! Чистое золото, хоть на зуб пробуй!

На пластинке — искусная гравировка: «С. Л. Оганян, стоматолог».

Я сдался.

В торжественный день моего первого приема отец распахнул дверь бывшей спальни и, обратив взгляд в будущее, сказал:

— Не пройдет и года... Нет! Не пройдет и полугода, и твое имя люди будут знать не хуже своего собственного!

Мама, всплакнув, подала халат.

Пациентов встречал отец.

— Даму вперед! — восторженно воскликнул он, излучая гостеприимство. — Прошу!

— А вы чем так взволнованы? — обратился отец ко второму пациенту, молодому человеку с флюсом. — Не надо бояться!

Он мягко взял его под руку и вывел из кабинета.

— Вы тут занимайтесь, а я пойду его подготовлю.

И закрыл за собой дверь.

Зубы бедной женщины носили на себе следы всех известных мне медицинских инструментов. Видно, уже ни один врач не брался ее лечить, если она, отчаявшись, обратилась ко мне. В ее глазах я не увидел надежды. Но у нее не было выбора, а у меня пациентов, и мы оба должны были помочь друг другу.

Через час я сделал с правым коренным все что мог.

— Приходите в среду, — прощаясь, сказал я несчастной.

В кабинет вошел молодой человек. Он уже не держался за щеку и вообще выглядел героем.

— Слушай, сынок, — отозвал меня в сторону отец. — Я тут дал ему рюмку коньяка для храбрости.

— По-моему, ты и сам с ним выпил, — недовольно заметил я.

— Еще никто не мог упрекнуть меня в невоспитанности! — гордо расправил плечи отец.

И потекли день за днем, прием за приемом. Я уже не чувствовал себя скованно. Не могу сказать, что лечить на дому сложнее, чем в поликлинике. Но именная табличка у входа в нашу квартиру накладывала на меня особую ответственность. И я старался.

Мешал отец.

Принимая больного, я слышал сквозь приоткрытую дверь кабинета его уверенный голос.

— Нет ничего хуже зубной боли! — говорил он со знанием дела ожидающему своей очереди пациенту. — Ты со мной согласен? Зубная боль не дает покоя ни днем, ни ночью. И пусть хоть тысяча врачей ублажает тебя своим искусством, одному богу известно, когда она пройдет! Да?

— Да, — покорно отвечал пациент. — Может, я пойду?

— Сиди! — удерживал его отец. — Ты пришел за помощью, и ты ее получишь. Никто тебя здесь не обидит.

Он звал маму:

— Эй, мать! Принеси-ка нам ту бутылку, что в холодильнике! Выпьем за моего сына! Он врач. И не просто зубной. Умением и чуткостью он заслужил право называться целителем в высоком смысле этого слова. Выпьем за него! Только он поможет тебе!

Я скрипел зубами, бросался в коридор, посылая отцу страшные взгляды, закрывал плотнее дверь, чтобы не слышать его. Но ничто не могло остановить отца.

— Вот, дорогой, — продолжал он, опустошив рюмку и проследив, чтобы мой пациент сделал то же. — Ты чувствуешь, как растекается каждая капля этого драгоценного напитка по кровеносным сосудам. Подожди немного, и растворится в нем твоя боль, как снег в горячей воде. Что может быть лучше нашего армянского коньяка! Знаешь ли ты, что им лечат инфаркт и его охотно покупают англичане?

— Почему англичане?

— Ну хорошо, пусть будут немцы, если тебе не нравятся англичане.

За первой рюмкой следовала вторая, нередко третья, и когда я освобождался, следующий пациент был настолько нечувствителен к любым манипуляциям, что я мог пилить его зубы ножовкой.

— Что ты делаешь, отец?! — с ужасом спрашивал я, когда мы оставались одни. — Ты спаиваешь этих людей и сам с ними пьешь! Не мешай мне работать! Ведь ты сам хотел, чтобы я принимал дома.

— Я мешаю тебе работать?! И это вместо благодарности! Я зазываю к тебе больных, встречаю их, развлекаю, пока ты занят. И я же мешаю! Спасибо, сынок!

— Но ты пьешь вместе с ними!

— Э-э, сынок, еще неизвестно, помогут ли им твои лекарства, но чуткость никогда не бывает лишней!

— Вот посмотришь, — говорил я, — они разбегутся!

— Вот посмотришь, — возражал отец, — с каждым днем их будет больше!

Мы оба оказались правы. Женщины вскоре перестали посещать мой кабинет. Один вид коньяка зарождал в их слабых душах сомнение. Зато мужчин действительно становилось все больше и больше. В прихожей было тесно, и теперь больные ждали приема в соседней комнате. Туда же перекочевал мой магнитофон, и рассуждения отца, сопровождаемые хором цыган, находили не только слушателей, но и сторонников. Я с удивлением обнаружил, что некоторым посетителям не нужна моя помощь. Они не заходили в кабинет. Они приходили к отцу.

— Вот мой сын! — отец показал на меня, когда я вышел передохнуть. — Он зубной врач. А это, — он показал на очередь, — это люди, сынок, которые хотят поправить свое здоровье. Друзья! Пусть ваши недуги пройдут так же быстро, как опустеют бокалы! Выпьем!

— Выпьем! — поддержала очередь. И, выпив, кто-то заметил:

— А почему не пьет твой сын, Левон?

Взбешенный, я выскочил из дома. Весь день бродил по городу и не мог успокоиться. Наконец я устал злиться, устал ходить, и мне стало легче.

Я огляделся. Был теплый летний вечер. Крупные звезды мерцали в безоблачном небе. Гуляли девушки, и от них пахло цветами. Я медленно брел домой.

Три помятые личности вплотную приблизились ко мне. Я прижался к стене, но они были настроены дружелюбно:

— Скажи, дорогой, где в этом доме кафе? Музыку слышим, а куда заходить — не разберем.

Я поднял голову. Из окон нашей квартиры неслось веселье.

Я взбежал на площадку, толкнул дверь.

Среди табачного дыма и аромата долмы в огневом танце, скинув пиджаки, сошлись два красавца. Отодвинув стол в угол, мои пациенты прихлопывали в такт.

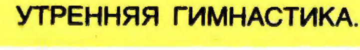
Меня заметил отец.

— Видишь, какой успех, а? — закричал он через всю комнату. — Нам надо расширяться! Я уже кое-что предпринял. Вот смотри!

Он вытащил из кармана латунную пластинку, и я увидел на ней новую надпись: «Оганян, отец и сын».

КРОКОДИЛИНКИ

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА.

Рисунок А. ПАНАСЕНКО, г. Белгород.

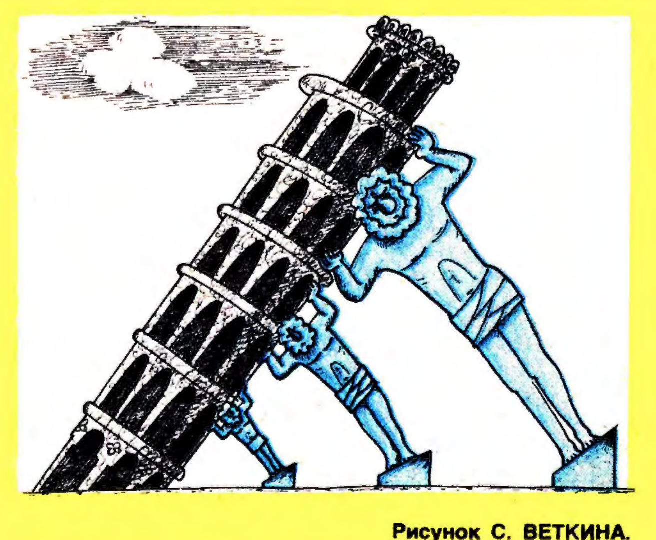

Рисунок С. ВЕТКИНА.

Рисунок Р. ДРУКМАН.

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород.

Рисунок А. БАВЫКИНА, г. Мурманск.

КРОКОДИЛИНКИ

«За халатное отношение к пьянке слесарю Носачеву Е. В. объявить строгий выговор».

(Из приказа).
Прислал А. Роман, г. Кондопога.

«Работать было трудно, пиво опять теплое, торговали по кассе 1201 руб. Утром приеду, готовь бабки на финские обои, поеду завтра за обоими. Жалоб в книгу не допущено. Маруся».

«Народу было очень мало. Банкетов не было. Пиво, как всегда, теплое. Торговали на вынос очень мало. Почему не оставила бабки за обои, взяла без спроса да еще бабки не оставила, я ведь должна расплатиться с базой, а у меня их нету, ведь без бабок больше не дадут. Торговали по кассе 960 руб. Жалоб в книгу не допущено. Маруся».

«Бар открыли вовремя, народу очень мало, была небольшая жалоба — недолив пива полтора литра, хотя я им сказала, что это допускается. Бегали за мной — дай жалобную книгу! Будьте очень осторожны, их двое, требовали еще и холодное пиво, возраст около 30 лет, в сером костюме, обои в импортных очках, у одного есть корочки трамвайного контролера, тряс ими перед носом. Ушли очень злые, грозились придти с БХСС. Был банкет на 6 персон. Опять артисты театра и кино. Прошел на-ура, только Катька в мойке опять напилась, отправила ее домой. Торговали по кассе 1227 руб. Жалоб в книгу не допущено. Маруся».

(Из «Книги сдачи-приема дежурства» в пивном баре).
Прислал А. Гильц, Пермская область.

— Автограф берет?
— Нет, зачет ставит...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Трехлетняя Мици завязала в узелок своего Мишку, книжку сказок и куклу и направилась к двери. Там ее встретил отец.

— Ты куда собралась, доченька?

— Мама все время ссорится со мной,— всхлипнула девочка.— Я решила вернуться к аисту.

●

Хозяин отеля — постояльцу:

— Этот номер с великолепным видом на горы. Достаточно опустить в автомат три франка, и шторы тут же поднимутся ровно на пять минут.

●

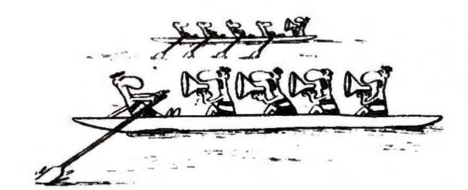
— Тото, почему ты не выходишь к нам поиграть?

— Не могу, у меня очень строгий отец. Когда он делает мои домашние задания, я должен находиться при нем неотлучно!

●

— Как прошел спектакль?

— Новая актриса играла Дездемону так бездарно, что, когда Отелло ее задушил, зал разразился аплодисментами.

«Лудаш мати», Венгрия.

●

Джордж зашел к психиатру.

— Я по поводу жены, доктор. У нее навязчивая идея, будто кто-то собирается украсть ее платья.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Она даже наняла специального человека, чтобы он их караулил. Я обнаружил его в шкафу вчера вечером.

— Доченька,— сказал, улыбаясь, отец,— сейчас у меня был один хорошо знакомый тебе молодой человек и просил твоей руки. Я согласился.

— Но, папа,— заплакала девушка,— как я оставлю маму?

— Это не страшно! Можешь забрать ее с собой!

●

Дама спрашивает нищего:

— А зачем вы в каждой руке держите по шляпе?

— Я открыл филиал.

●

На курсах шоферов:

— Господи, сколько разных правил! Жизни человеческой не хватит, чтобы все их нарушить!

Обвиняемый говорит прокурору:

— А теперь поклянитесь на библии, что все, что вы говорили про меня,— чистая правда.

●

— Росси, почему вы увольняетесь из отдела игрушек?

«Кляйне цайтунг», Австрия.

●

— Не могу поверить! — воскликнул судья.— Мало того, что вы, работая кассиром в магазине, все время обсчитывали покупателей, вас еще поймали в тот момент, когда вы залезли пожилой синьоре в сумочку!

— Что поделаешь, ваша честь,— пожал плечами подсудимый,— в наше время почти всем приходится подрабатывать.

●

Жорж КУРТЕЛИН (Франция)

УДАЧНЫЕ ПОКУПКИ

Покупатель *(внимательно изучая пару брюк)*. Ну как, хороши? Прочные?

Продавщица. Как железо.

Покупатель. Посмотрим, посмотрим... Интересно, как они сидят...

Продавщица. Как влитые! Просто изумительные брюки!

Покупатель. Гм... гм... Подумаем... Сколько?

Продавщица. Двадцать два франка, мсье.

Покупатель. Двадцать два франка? Вы что, смеетесь? Вот, смотрите, этот перочинный нож я купил за пятнадцать су!

Продавщица. И какое же он имеет отношение к брюкам?

Покупатель. Самое прямое! Зачем, скажите на милость, мне платить двадцать два франка за брюки, когда я могу купить отличнейший ножик с тремя лезвиями и штопором всего за пятнадцать су? Нет, нет, не перебивайте меня! Скажите лучше, жилеты у вас есть?

Продавщица. Да, мсье.

Покупатель. Тогда покажите мне несколько. Ага, благодарю вас... Гм... А этот довольно мил. Сколько?

Продавщица. Ох!

Покупатель. А все-таки?

Продавщица. Шесть франков, мсье.

Покупатель. Шесть франков? Вы говорите, ШЕСТЬ? Я не ослышался? Но, мадемуазель, на прошлой неделе я потерял ключ от квартиры, и знаете, сколько стоил новый? Вот он, смотрите, прекрасный ключ! Всего сорок су!

Продавщица. Ну и что?

Покупатель. А то, что я не собираюсь выбрасывать за какой-то жилет сумму, на которую я мог бы заказать пятнадцать ключей!

Продавщица. Не понимаю.

Покупатель. Все вы прекрасно понимаете! Думаете, я провинциал какой-нибудь? Не-ет, меня на мякине не проведешь! Да, чуть не забыл, у вас есть летние плащи?

Продавщица. О боже...

Покупатель. Вы что-то сказали?

Продавщица. Нет, нет. Вот плащи, мсье.

Покупатель. Ага, вот этот, похоже, как раз то, что я искал.

Продавщица. У вас прекрасный вкус, мсье, это последний крик моды.

Покупатель. Сколько?

Продавщица. Тридцать девять франков.

Покупатель. Трид-цать де-вять?

Продавщица. Да, мсье. И мы готовы отдать так дешево, только чтобы вы ушли!

Покупатель. Гм... плащ, пожалуй, и впрямь недурен, но вот видите эту курительную трубку? Прекрасная пенковая трубка... И знаете, сколько я заплатил за нее? Сорок четыре сантима! А вы — тридцать девять франков! Уж не принимаете ли вы меня за идиота? Кстати, у вас шляпы есть?

Продавщица. Да, у нас есть шляпы, но вам они не подойдут.

Покупатель. Но почему?

Продавщица. Ну зачем вам платить целых три франка за шляпу, мсье, три франка за то, чтобы мять себе прическу, когда вы можете уйти отсюда совершенно бесплатно, а, мсье?

Перевел К. ВАЛЕРИ.

Слова, слова...

Зачем рождать истину в споре, если это можно сделать в приказе?

Из записных книжек императора Нерона.

Можно сэкономить массу времени, если совместить погоню за модой с бегом от инфаркта.

Приписывается Диору, французскому модельеру.

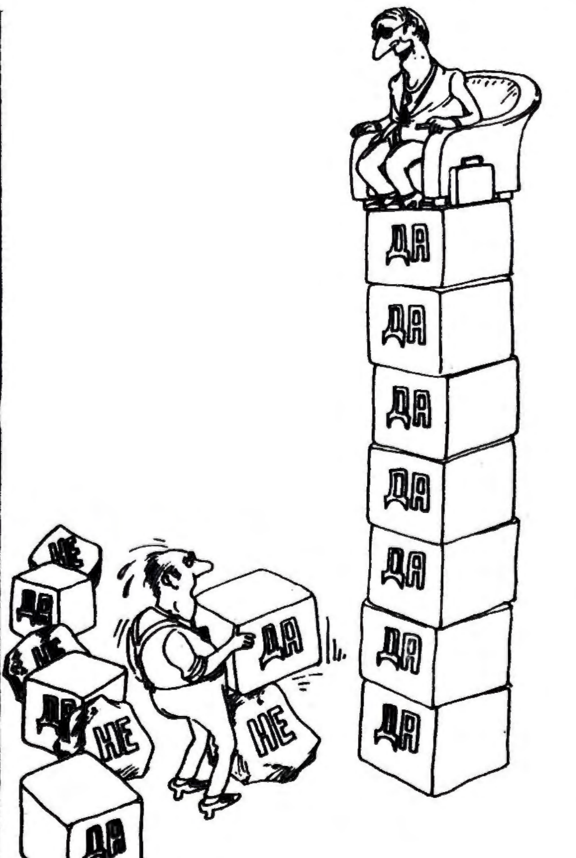
Если истина в вине, то что-нибудь правильное должно содержаться и в закуске.

Фольклор выпивох о. Фиджи.

Если бы легенды подтверждались, кто бы им верил?

Банальная истина.

Рисует Велин АНДРЕЕВ (Болгария).

КРОКОДИЛ

№ 34 (2404)
декабрь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор),
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Бабыкин (г. Мурманск), Н. Белевцев (г. Белгород), М. Вайсборд, С. Веткин, В. Гинуков, Р. Друкман, И. Новиков, И. Норинский, А. Панасенко (г. Белгород), А. Помазков, В. Тильман, Л. Филиппова.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 01.11.82.
Подписано к печати 09.11.82.
А 07546.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5560000 экз.

(2-й завод 3409247—3859575).
Изд. № 2789. Заказ 05718.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна». г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ КАРИКАТУРИСТОВ

Весь мир воочию убедился, что Менахем Бегин — военный преступник, с головы до ног экипированный американцами и ими же до зубов вооруженный.

Мы перепечатываем эту карикатуру из кипрского сатирического журнала «САТИРИКИ».

Надпись на плакате: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ».

WANTED

MADE IN U.S.A.

Г. ΜΑΥΡΟΓΕΝΗΣ